

УДК 81.161.1-1:2-14

Реализация концепта «Бог» в современной русскоязычной поэзии

Е.Ф. АСЕНЧИК

В статье исследуется языковая реализация концепта «Бог» в современной русскоязычной поэзии.

Ключевые слова: концепт, десакрализация, лексикографические дефиниции, Бог, Всевышний, Господь, персонификация.

This article examines the implementation of the language of the concept “God” in modern Russian poetry.

Keywords: concept, desacralization, lexicographic definition, God, Supreme Creator, Lord, personification.

*Чудо должно быть ручным и послушным. Мы даже
Бога сделали человеком – и лишь после этого
научились верить...*

С. Лукьяненко. Лабиринт отражений

В последнее время понятие концепта активно вошло в научный обиход. Концепт является единицей описания картины мира, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки. В когнитивной лингвистике концепт рассматривается как «ментальная единица, которая постоянно переживает изменения: в его сферу могут входить все новые фоновые концепты, может меняться стандартный набор ситуации, и еще более подвижным является одиночный компонент в содержании» [2, с. 163]. Здесь будет уместным привести определение концепта, данное Ю.С. Степановым: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [6, с. 40].

Таким образом, наличие концептов в языке любого народа привлекает внимание во многом именно потому, что исследования в данной области могут помочь в изучении культуры самого народа и его истории.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении языковой реализации концепта *Бог* в современной русскоязычной поэзии.

Концепт «Бог» является одним из ключевых символов национальной лингвокультуры и имеет длительную историю формирования и развития, о чем говорит его богатая вербализация в языке (*Всевышний, Господь, Творец, Создатель, Вседержитель, Всемогущий, Отец, Царь Небесный, Вышний, Предвечный, Суций, Владыка*), реализующаяся в большом количестве паремий, афоризмов, в художественных произведениях.

Согласно этимологическим словарям, ключевая лексема концепта – *Бог* – происходит от старославянского *БОГЪ* со значением ‘одно из высших, стоящих над миром неземных существ, некая высшая сила, верховное существо, стоящее над миром’; в самом старославянском языке слово – наследие праславянского **bogъ*, которое, с одной стороны, близко по форме значению др.-перс. *baga-*, а с другой стороны, не менее тесно связано с достаточно древней производной лексикой, обнаруживающей исходное значение ‘богатство’ (**bogat, *ubog*), а через её посредство – с индоевропейской лексикой, означающей ‘доля’, ‘делить’, ‘наделять’. В силу этой сложности связей в этимологической литературе рассматриваются две возможности – исконное происхождение и заимствование из иранского [12, с. 161–162], [11, I, с. 181–182].

Толковые словари по-разному определяют лексему *Бог*, что во многом связано со временем создания каждого из словарей, естественным образом отражающих в языковой картине особенности господствующей в конкретный период общественной идеологии.

Исконное мироощущение русского человека, которое проявляется в признании Бога как некой высшей сущности, управляющей миром, отражено в словаре В.И. Даля – в последнем из словарей досоветской эпохи. Рассмотрим, как изменялось толкование исследуемой лексемы в дальнейшем, анализируя содержание соответствующих словарных статей толковых словарей разных лет издания.

В словаре В.И. Даля зафиксировано следующее определение: *Бог* ‘Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Господь’; ‘Предвечное Существо, Создатель вселенной’ [1, т. 1, с. 108]. В словарной статье содержится обширный иллюстративный материал, приводятся устойчивые речевые обороты, объясняются их значения: например, *слава Богу, благодаря Бога* – благодарственное восклицание, в ответ на вопрос о здоровье; *Бог весть, Бог знает* – я не знаю; *Бог даст* – отказ просящему в подавании; *Бог с тобой* – прощальное пожелание, прощение кому-то вины; *С Богом* – иди, начинай; *дай Бог, дай Боже* – пожелание, призывание чего-то; *Ради Бога* – просьба, увещание, моление, упрашивание кого-либо; *Чем Бог послал* – говорит хозяин, угощая; *помилуй Бог, сохрани Бог, избави Бог* – желание устранения чего-либо неприятного и др.

В словарях Д.Н. Ушакова (1935–1940) и С.И. Ожегова (1953) в описания значений включена оценочная лексика – показатели модальности недоверности: частицы *будто бы, якобы*, прилагательное *мифическое*, сочетание *по религиозно-мистическим представлениям*.

Более нейтральное определение находим в семнадцатитомном толковом словаре Академии наук (БАС, 1950–1965): *Бог* ‘в древнейших религиях (политеистических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ; в монотеизме и идеалистической философии – некая высшая сила, верховное существо, стоящее над миром (по одним учениям – являющееся только творцом вселенной, по другим – также управляющее миром и оказывающее помощь при упрашивании, молитве и т. п.)’. В данном определении отсутствуют стилистические пометы, понижающие уровень данного слова на «аксиологической шкале» (терминология Н.Г. Скляревской), за исключением лексемы *упрашивание*, которая снижает стилистический «ранг» слова *Бог*, однако полностью сохранить «нейтральность» дефиниции не удаётся и здесь: комментарий об употреблении рассматриваемой лексемы говорит скорее о негативном, чем о нейтральном отношении к концепту: «В разговорной и литературной речи употребляется в ряде пережиточных выражений разнообразного значения» (подчеркнуто нами. – Е.А.). Таким образом, по-прежнему приведённые контексты «не позволяют уловить сакральность концепта, переключают внимание читателя словаря на обыденную, бытовую сферу употребления слова» [3].

Толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой содержит несколько значений: 1. Создатель Вселенной, всего сущего, обладающий – по религиозным представлениям – высшим разумом, управляющий миром; 2. Одно из сверхъестественных существ, управляющее какой-л. частью мирового целого, влияющее на ту или иную сторону жизни (в античной мифологии и в некоторых формах религии). // перен. Человек могущественный, обладающий властью над другими людьми. // перен. Человек необычайной творческой одаренности; 3. перен. Предмет поклонения, восхищения; кумир [8]. В данном словаре описаны прямые и переносные значения; первое значение содержит вводное словосочетание *по религиозным представлениям*, которое не «оценивает» высказывание (ибо не содержит элементов с модальным значением), а указывает нам на его источник.

Ещё более нейтральное толкование отражает «Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия» под редакцией Г.Н. Скляревской (1998; 2001): *Бог* ‘верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им’ [9, с. 145].

Иллюстративный материал взят из работ религиозного философа П. Флоренского, а также из современной публицистики. Разговорно-бытовая фразеология не привлекается, т. е. слово помещается в органичный для него сакральный контекст. В статью вводится специ-

альный комментарий, указывающий на то, что концепт «Бог» реализуется в «лексике, вернувшейся с периферии общественного языкового сознания» [3, с. 189].

В результате анализа значений лексемы *Бог* (ключевой для концепта) можно прийти к выводу, что в основе образного компонента концепта «Бог» лежит не наглядный образ, а абстрактная идея, в результате чего ключевая лексема концепта представляет собой некий символ, который в различные эпохи наполняется разным (вернее, по-разному воспринимаемым) содержанием, реализуется в разных контекстах, значимых и понятных для носителей языка конкретного периода.

В последние годы интерес к религии значительно возрос, соответственно выросла и потребность в освоении религиозной лексики. Освоение это происходит по-разному, в том числе и посредством художественных произведений. Так, в русскоязычной поэзии последних лет концепт «Бог» занимает значительное место, особенно часто вербализуясь лексемами *Бог, Господь, Всевышний: И я тогда предстану перед Богом, / И Бог раскроет длани надо мной. <...> Паду перед Всевышним на колени, / Смиренно принимая Божий суд.* (Е. Кобзева); *Пошли, Господь, терпения и сил, / Чтоб сохранить любовь к себе и к ближним. <...> Пошли мне, Бог мой, храбрости такой, / Чтоб жизнь отдать за слабых и несчастных.* (И. Ларионов); *И за то, что прожили, спасибо. / Господи, и впредь благоволити.* (Изяслав Котляров) *Изгони семь демонов, Господь! / Масла для тебя не пожалею, / косы состригу, мирскую плоть / спрячу и платком укрою шею.* (Е. Максина). В некоторых контекстах в качестве обращения употребляется разговорное сочетание сразу двух лексем, где одна выступает как имя собственное, вторая – как нарицательное: *И прошлого дней не итожа, / Я справа налево пишу: / Прости меня, господи Боже, / За все, что еще совершу.* (Л. Латынин).

Во всех приведённых контекстах лексемы *Бог, Господь, Всевышний* употреблены в традиционном для них значении ‘верховное существо, управляющее миром’, к которому обращается лирический герой в надежде на помощь и благосклонность высших сил. Традиционность употребления логичным образом обуславливает и соответствующий контекст: авторами употребляются клишированные (характерные для религиозной сферы) выражения, нередко содержащие устаревшие грамматические формы слов: *раскроет длани надо мной, паду на колени, смиренно принимая, впредь благоволити, изгони* и др.

Традиционно используются в современной поэзии также лексемы-эвфемизмы, призванные обойти древнее табу на прямое употребление имени Бога всеу (например, *Имя, Он, Тот, Сам* и др.), либо сокращённые написания, при которых гласная в слове заменяется на дефис, играющий в современном языке примерно ту же роль, которую в церковнославянском играло титло: *Посмотри, как истрепано нами важнейшее Имя, как неравно разрезан на части любви каравай.* (Ю. Драбкина); *Сколько б-гу ни молиться, не умастит небеса. Жизнь – румяная девица и длинна ее коса.* (И. Зеленцов); *Есть Тот, у которого с нами одни лишь хлопоты, одни заботы, бессонницы и лишения, ему и так тяжело, он сжимает лоб, а ты и я глядим и ждем какого-то утешения.* (А. Кудряшева).

Немалое место в стихах занимают молитвенные обращения, некоторые из которых содержат формы звательного падежа соответствующих лексем (*Боже, Господи*): «Боже, спаси!», «Господи, благослови (благоволити)», «Господь, помилуй наши души», «Прости мне, Господи, что я...», «слава Богу» и т. п. Их функционирование в речевой практике обусловлено преимущественно спецификой речевых ситуаций. В некоторых контекстах наблюдается десемантизация имён Бога, ибо нет непосредственного обращения – есть устойчивое речевое выражение (*дай Бог / не дай Бог*), в котором слово *Бог* на письме не выделяется запятыми, т. е. даже графически подчёркивается роль слова как обращением. *Дай Бог памяти вспомнить работы мои, / Дать отчет обстоятельный в очерке сжатом.* (С. Гандлевский); *Дай Бог вам только счастья и тепла, / Прямых дорог и дружбы ваших близких.* (М. Фёдорова); *Пока они там возятся в голубиных / своих небесных сферах и чертежах / – дай Бог тебе ни с кем не делить любимых / и уходящих за руку не держать.* (А. Кудряшева).

Помимо подобных типизированных оборотов с традиционными значениями, в современной поэзии активно используется обращение к Богу с несколько десакрализованным значением: Бог (*Господь, Всевышний*) предстаёт в роли «бытового» собеседника, с которым

можно обсудить любые проблемы и даже выпить на досуге: *А солнце по бульвару катится, скользит по лицам а-ля рюс, надену свадебное платье и в белом к Богу проберусь, где он в своей стране Гармонии не приготовил каравай, скажу: не надо церемонии, ты лучше сразу наливай, оставь на час своим придворникам весь этот шум и тарарам, давай с тобой, Всевышний, дернем-ка на брудершафт по триста грамм. <...> Но вот и берег. Корпус глассера опять уткнулся в рай земной. Где Бог, упрямый, горстки бисера все мечет, мечет предо мной...* (Ю. Драбкина); *Чайник вскипает, на окнах вязью / Странные письма. / Господи, если ты вдруг на связи, – / Как она без меня? / Господи, лучшее, что ты выдумал, / Сделано из ребра.* (А. Кудряшева); *Я полагаю, что нас любя, / как пасечник любит пчел, / Бог недостаточной для себя / нашу взаимность счел.* (Д. Быков); *Там, где в небе лунная запятая, тропы краше торных земных дорог, я смеюсь, над крышами пролетая, и машу ладошкой – ну, здравствуй, Бог, как живешь, дружище? Твои молебны нынче утром были из всех церквей, ты прости, расхристана, непотребна, и ваще, летаю тут... От ветвей враз и влет сводящих с ума черемух пахнет так, что просто – ну нету сил... Боже мой, ты, видно, совсем не промах, раз весну такую вот сотворил!* (А. Марк).

Десакрализация подчёркивается и контекстом: лексемы *Бог*, *Всевышний*, *Господь* функционируют в окружении разговорной лексики: *тарарам*, *дёрнем-ка*, *наливай*, *на связи*, *выдумал*, *упрямый*, *дружище*, *не промах* и др. Причины подобной контекстной десакрализации, как это ни парадоксально, следует видеть в активном освоении религиозной лексики современным обществом, в её переосмыслении в соответствии с особенностями его развития. Здесь уместно будет обратиться к фразе из эпитафии: *Бога сделали человеком – и лишь после этого научились верить*. Во многих текстах налицо активная персонификация, которая в некоторой степени свойственна рассматриваемым понятиям почти во все периоды их существования и заслуживает особого внимания. По религиозным представлениям, Бог создал человека по своему образу и подобию, человек соответственно пытается «материализовать» в языке образ Создателя, наделяя его «человеческими» предикатами: например, в русских народных пословицах Бог – активный участник человеческой жизни, ставший частью не только сакрального, но и бытового пространства народа, что выражается глаголами действия «даёт», «бьёт», «кормит», «приносит» и др: *Бог долго ждёт, да больно бьёт; Послал Бог работу, да отнял черт охоту; Бог тучу пронесет и ведро принесет; Привел Бог киселем заготовиться, так гуцу на разговорье поставим; Дал Бог рыбу, даст и хлеба; Не товаром Бог кормит, а купцом*. Однако персонификация в современных поэтических текстах достигла своего апогея: Бог не только совершает действия, свойственные человеку, он сам представлен в образе человека, с его слабостями, его атрибутами быта и социума, его ощущениями: *Или даже не бог, а какой-нибудь его зам, / поднесёт к близоруким своим глазам.* (В. Полозкова); *Ты играй, Господи, в шахматы и нарды, / ты вози, Господи, на печи Емелю; И ждем дороги правильной и единственной, так, чтоб пойти и выйти куда захочется. Стоит – замучен, тощ совсем, неказист – спиной, наверно, стонет – когда же все это кончится. А что поделать – сам ведь все это выдумал, копайся теперь в их обидах, изменах, ревности, он оглянулся и извинился – выйду, мол, вернусь и отвечу каждому по потребностям. Сидит на крыльце и смотрит с испугом на руки – зачем все это, оно ж никому не нравится, а небо уже над ним разожгло фонарики и дышит холодом – ох, артрит разыграется. А в доме пахнет лекарством, горелой кашею, болит висок и сердце стучит все глуше и... И он опускает голову, нервно кашляет и хриловатым голосом: «Я вас слушаю...»* (А. Кудряшева); *И, себя исчерпав, замыкается круг / мироздания. Так получилось, мой друг. / Был господь дальноруким, а стал близорук.* (А. Марк).

Таким образом, если общезыковое значение концепта, выявляемое нами из словарей разных периодов, имеет, условно говоря, кольцевую структуру (от изначально объективного (православного) толкования понятия (в словарях досоветской эпохи) к неприятно глубинного содержания концепта (в словарях советского периода) и снова к объективному восприятию (в словарях постсоветского времени), позволяющему вернуть концепт в сакральное языковое пространство), то индивидуально-авторские толкования лексем, реализующих концепт «Бог» в современной поэзии, в некоторой степени отличаются от лексикографических дефи-

ний. Это позволяет сделать вывод о том, что концепт продолжает развиваться, а видимая десакрализация, яркая персонификация его компонентов говорит не о выходе за рамки сакрального пространства, а, скорее, о расширении этих рамок, о тесном контакте с «мирским» содержанием действительности, о прохождении очередного этапа трансформации – от абстрактного к конкретному, что позволяет концепту оставаться значимым, а входящим в его структуру лексемам – не уходить в пассивный запас языка.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль // В 4-х т. – М. : Русский язык, 1989.
2. Митрофанова, О.И. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта *vera* / О.И. Митрофанова // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.). Труды и материалы : В 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 163–165.
3. Михайлова, Ю.Н. Об эволюции лексикографического представления концепта / Ю.Н. Михайлова // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 28. – С. 181–191.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка // С.И. Ожегов. – М., 1953.
5. Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985–1988.
6. Степанов, Ю.С. Константы : словарь русской культуры / Ю.С. Степанов ; 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004.
7. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. / АН СССР. – М. : Русский язык, 1950–1965.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slovopedia.com/15/192-0.html>. – Дата доступа : 10.08.2012.
9. Толковый словарь современного русского языка : языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб., 1998; М., 2001.
10. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков // В 4 т. – М., 1935–1940.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер // В 4 т. – М. : Прогресс, 1986–1987.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под. ред. О.Н. Трубачева. Вып. 4. – М. : Наука, 1977.